

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КАШИНА И ОКРУЖАЮЩЕЙ ЕГО СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В 2001–2024 гг.

М.Р. Давиденко¹, У.Р. Рахимова², М.С. Савоскул³, А.С. Чучкалов⁴

^{1–4} *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра экономической и социальной географии России*

¹ *Студентка бакалавриата; e-mail: masha.davidenko10@yandex.ru*

² *Студентка бакалавриата; e-mail: marbot@bk.ru*

³ *Зав. кафедрой, доц., д-р геогр. наук; e-mail: savoskul@yandex.ru*

⁴ *Аспирант; e-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru*

Цель статьи – определение динамики территориальной подвижности постоянного населения малого города и сельской местности в Нечерноземье за два последних десятилетия на примере Кашинского района Тверской области. Под территориальной подвижностью понимается интенсивность возвратных перемещений людей по различным направлениям. Информационной основой исследования стало массовое анкетирование постоянных жителей Кашинского района в 2001 и 2024 гг. (выборка за каждый год составила более 1% всего совершеннолетнего населения района). За два десятилетия население района стало более подвижным, что является, скорее, типичной чертой для российского общества. Если в 2001 г. относительное большинство жителей вовсе не участвовало в возвратных миграциях в региональный центр и в Москву, то спустя два десятилетия жители чаще всего посещают региональный центр раз в несколько месяцев, Москву – реже раза в год. Усилилось разнообразие поездок по целям и направлениям: в несколько раз увеличилось участие населения в поездках с рекреационными целями. Усилился разрыв между горожанами и сельчанами в территориальной подвижности в направлении Москвы и других регионов России – горожане становятся более подвижными относительно сельских жителей. К числу факторов, влияющих на территориальную подвижность, можно отнести пол, возраст, уровень дохода и место рождения человека. Мужчины более мобильны, чем женщины. В возрастной структуре наиболее мобильно молодое трудоспособное население от 18 до 34 лет. Территориальная подвижность в целом имеет прямую зависимость с субъективно оцениваемым уровнем дохода. Приезжие более мобильны, чем уроженцы района. Несмотря на рост мобильности, выдвинута гипотеза, что выраженные в долгосрочных возвратных перемещениях людей социальные взаимосвязи между сельской местностью Нечерноземья и крупными городами постепенно ослабевают.

Ключевые слова: пространственная мобильность населения, возвратные миграции населения, трудовая мобильность, малый город, внутренняя периферия, Нечерноземье

DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.80.2.10

ВВЕДЕНИЕ

Исследования географической (пространственной) мобильности широко распространены в социально-экономической географии. Согласно концепции мобильного перехода [Zelinsky, 1971], еще со второй половины XX в. многообразие пространственных перемещений людей, в первую очередь, выражается не в смене постоянного места жительства, а в многочисленных возвратных поездках различной частоты и интенсивности в пределах сельско-городской среды. В отличие от миграций населения под пространственной мобильностью понимают не столько потоки движущихся людей, сколько саму склонность людей к перемещению в пространстве [Bell, Ward, 2000; Между домом..., 2016]. Среди различных типов возвратной мобильности внимание исследователей уделяется маятни-

ковым поездкам в пределах городских агломераций [Махрова, Бабкин, 2018], трудовым возвратным миграциям и отходничеством [Нефедова, 2015; Антонов, 2016; Мкртчян, Флоринская, 2016], учебным возвратным миграциям [Флоринская, Рощина, 2008] и дачным рекреационным поездкам [Нефедова, Махрова, 2015].

Вместе с тем понимание специфики пространственной мобильности в условиях неполного и некачественного статистического учета является нетривиальной задачей, особенно применительно к повседневной пространственной мобильности. Научный интерес представляет, в частности, определение вовлеченности совокупности жителей какой-либо территории в возвратные поездки, интенсивности их разнонаправленных перемещений. Многочисленные примеры таких работ представ-

лены в англоязычном журнале *Mobility* [Meijering et al., 2024]. В контексте рассмотрения повседневной мобильности русскоязычные исследователи нередко используют понятие «территориальная подвижность» [Алексеев и др., 2007; Краснослободцев, Савоскул, 2004; Смирнов, Виноградов, 2017]. Согласно Т.М. Регент [Регент, 1981], территориальная подвижность – это совокупность ежедневных, периодических и эпизодических территориальных перемещений (без смены места жительства) по всем видам деятельности.

В обобщающей работе А.Г. Махровой и соавторов [Махрова и др., 2022] в качестве одного из вызовов перспективных исследований мобильности указана необходимость исследования возвратных миграций за пределами территорий с их наибольшей интенсивностью. Существующие локальные исследования немногочисленны [Мосиенко и др., 2020]. В связи с этим в настоящей статье предпринята попытка определения уровня территориальной подвижности постоянного населения малого города и сельской местности в Нечерноземье, а также изменения территориальной подвижности за два последних десятилетия. Территорией исследования являлся Кашинский район Тверской области с центром в малом городе Кашин¹. По коэффициенту миграционной подвижности населения расположенная между двумя столичными агломерациями Тверская область – один из лидеров в Центральной России [Нефедова, Махрова, 2015; Смирнов и др., 2019]. Социально-экономическая специфика нечерноземных районов в непосредственной близости от Московской агломерации предполагает рост возвратной пространственной мобильности в последние десятилетия за счет интенсификации как трудовых возвратных миграций, так и рекреационных дачных поездок [Нефедова, 2015]. Большинство малых городов Европейской России в пределах Нечерноземья свойственна интенсивная депопуляция в постсоветский период [Маркин и др., 2019; Мкртчян, 2017]. В малых городах Тверской области проблема депопуляции приобретает особую остроту из-за продолжительного миграционного оттока их жителей в столичные городские агломерации и, как следствие, сильно постаревшей возрастной структуры оставшегося населения [Смирнов и др., 2019]. Факторами депопуляции малых городов также являются ограниченное количество мест приложения труда и вариантов проведения досуга, пониженное качество предоставляемых социальных услуг [Медведева, Слемзина, 2020].

¹ Здесь и далее под Кашинским районом будем понимать единицу административно-территориального устройства Кашинский район, территориально соответствующую муниципальному образованию Кашинский муниципальный округ.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной основой исследования стал массив сведений, собранных в ходе полевых работ в Кашинском районе в июне 2001 г. и в июне 2024 г. Основным методом – анкетирование совершеннолетних постоянных жителей Кашинского района по анонимной анкете, включившей в себя 34 вопроса, которые были объединены в три блока: 1) об образе жизни анкетизируемого и ведении личного подсобного хозяйства; 2) о пространственной мобильности и миграционных намерениях; 3) об объективных характеристиках анкетизируемого (роде занятий, сфере профессиональной деятельности, уровне образования, субъективно оцениваемом уровне дохода, поле и возрасте). На рис. 1 приведено распределение анкетизируемых по возрасту в 2001 и 2024 гг. Изменение соотношения возрастных интервалов среди ответивших на вопросы анкеты соответствует постарению возрастнo-половой структуры населения Кашинского района в целом. За 2002–2021 гг. доля лиц моложе трудоспособного возраста в населении района сократилась с 16,6 до 11,2%, а доля лиц старше трудоспособного возраста² возросла с 25,7 до 37,3%. Медианный возраст населения в 2021 г. составлял 49 лет.

Для оценки собственно мобильности населения в анкету были включены вопросы о частоте поездок по различным направлениям и о влиянии работы транспорта на возможное сокращение поездок. Для выяснения характера постоянных миграций населения были дополнительно включены вопросы о месте рождения респондентов, изначальном месте их проживания, причинах переезда и длительности проживания в Кашинском районе. В анкете 2001 г. дополнительно присутствовал вопрос для сельских жителей о частоте поездок к ним проживающих в городах родственников в 1991 г.

Как в 2001, так и в 2024 г. анкетирование проводилось непосредственно на улицах г. Кашина и в сельских населенных пунктах Кашинского района (их обозначения приведены на рис. 2). В 2024 г. анкета дополнительно распространялась через чаты родителей школьников в мессенджерах и локальные сообщества в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Кроме того, по согласованию с администрацией муниципалитета на досках объявлений были размещены QR-коды со ссылками на анкету.

² Для сопоставимости расчетов границами трудоспособного возраста и возраста старше трудоспособного считались 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин (пенсионный возраст до 1 января 2019 г.).

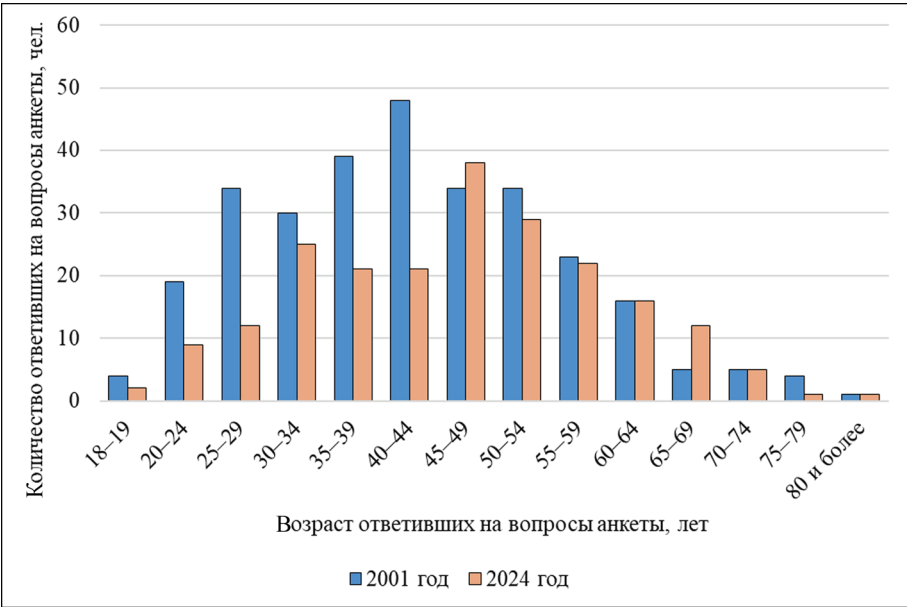

Рис. 1. Распределение по возрасту ответивших на вопросы анкеты в 2001 и 2024 гг. *Источник:* составлено авторами

Fig. 1. Age distribution of respondents to the questionnaire in 2001 and 2024. *Source:* compiled by the authors

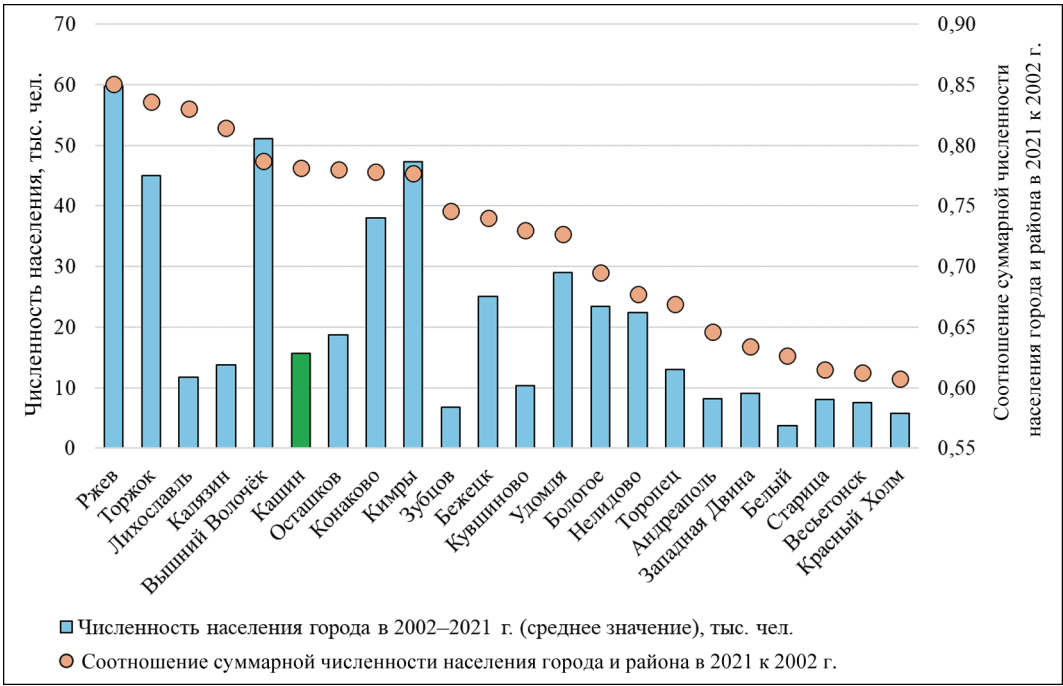

Рис. 2. Динамика численности населения городов Тверской области (за исключением Твери) и окружающих их районов в 2002–2021 гг. Для городов областного значения рассчитывалась динамика суммарного населения города и административного района, центром которого является город, для городов районного значения – динамика населения административного района. *Источник:* составлено авторами по данным [Приложение..., 2024]

Fig. 2. Population dynamics of towns in the Tver region (excluding the city of Tver) and surrounding areas in 2002–2021. *Note:* the dynamics of the total population of the town and the administrative district with the town as its center was calculated for towns of regional significance; the dynamics of the population of the administrative district was calculated for towns of district significance. *Source:* compiled by the authors

Сформированная методом «снежного кома» выборка является невероятностной. Если в 2001 г. объем выборки составил 305 чел., то в 2024 г. – 225 чел. (около 1,1% населения Кашинского района в возрасте старше 18 лет). Вследствие того что прохождение анкеты было добровольным, сформированная выборка не является строго репрезентативной. Логично предположить, что заинтересованные в прохож-

дении анкеты жители в целом наиболее активные и, как следствие, отличаются несколько повышенной пространственной мобильностью.

Вспомогательным методом исследования стало проведение около 20 полуформальных экспертных интервью в сельской местности с представителями территориальных отделов муниципальной администрации, бывшими председателями сельсоветов и руководителями колхозов, фермерами, работниками сферы культуры и торговли, краеведами и старожилами. Средняя продолжительность интервью составляла около 60 минут. Кроме того, проведен анализ статистических данных и исторических документов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Краткое описание района исследования. Интенсивность депопуляции Кашина и окружающей его сельской местности в последние два десятилетия не столь велика в сравнении с другими городами Тверской области (см. рис. 2). Существует слабая зависимость между размером города – центра административного района и сокращением совокупного населения города и района в целом. Несмотря на небольшую людность, депопуляция Кашина сдерживается за счет относительной близости к Москве при наличии прямого автобусного сообщения со столицей (удаленность по автомобильной дороге составляет около 215 км). Относительная устойчивость социально-экономического положения связана и с тем, что в городе с позднесоветского периода продолжают функционировать главные промышленные предприятия: завод низковольтной электроаппаратуры и ликероводочный завод.

Кашин обладает и рядом уникальных черт. Во-первых, это один из дореволюционных бальнеологических курортов – на протяжении 140 лет здесь работает санаторий, расположенный рядом с источниками минеральных вод (в настоящее время здравница федерального значения, рассчитанная на 350 мест) [Страхов, 2016]. Во-вторых, Кашин – важный центр православного паломничества. Вследствие хорошей сохранности исторической застройки и уникальной градостроительной планировки город обладает потенциалом для развития историко-культурного туризма.

Сельская местность Кашинского района характеризуется низкой степенью связности сельских населенных пунктов между собой (рис. 3). Транспортная сеть имеет разветвленную древовидную конфигурацию с центром в Кашине. Субцентром западной части района являются расположенные рядом деревня Верхняя Троица и поселок Тетьково [Смирнова, Виноградов, 2023]. Связи автомобильным транспортом с другими районами осущест-

вляются только по дорогам федерального значения «Золотое кольцо» и регионального значения Кашин – Бежецк. В будние дни в Тверь и обратно следует шесть автобусных пар, в Москву – пять, с Ярославлем прямое автобусное сообщение отсутствует. Несмотря на выход южной части района к Угличскому водохранилищу, дачное освоение берега Волги жителями Московской агломерации очень ограничено из-за отсутствия газоснабжения в прибрежных сельских населенных пунктах (в отличие от соседнего Калязинского района).

Сельское хозяйство Кашинского района в сравнении с другими районами Тверской области ведется более интенсивно. Оно представлено мясным и молочно-мясным скотоводством, коневодством и выращиванием однолетних культур. С 2019 г. компанией «Румелко-Агро» здесь реализуется крупный инвестиционный проект по созданию трех молочно-товарных комплексов [В Тверской..., 2024] с общим поголовьем около 25 тыс. голов (в деревнях Бузыково, Давыдово и Бурмакино, см. рис. 2). Это оказывает влияние на миграционную привлекательность района: в условиях дефицита местных трудовых ресурсов на северной окраине Кашина возводится жилой комплекс из 120 таунхаусов для работников из других регионов России и стран Центральной Азии.

Основной набор услуг, представленных в потребительской корзине жителя Кашинского района, имеет географическую привязку к районному центру (рис. 4). Услуги первой необходимости жители преимущественно получают в Кашине. Для приобретения товаров длительного пользования более 20% анкетированных предпочитает поездки в региональный центр. Несмотря на положение Кашинского района за пределами Московской столичной агломерации, 5–10% населения получают указанные на рис. 4 услуги в Москве.

Территориальная подвижность жителей малого города и сельской местности. На рис. 5 способом лепестковых диаграмм отображена интенсивность поездок разной частоты городских и сельских жителей в 2001 и 2024 гг. Отмечено изменение преобладающей частоты поездок постоянных жителей Кашинского района по большинству направлений. Неизменным остается преобладающий по интенсивности еженедельный характер поездок сельчан в районный центр (рис. 5А). В 2001 г. относительное большинство жителей как малого города, так и сельской местности вовсе не участвовало в возвратных миграциях в другие города Тверской области и в Москву (см. рис. 5Б, В). В свою очередь, спустя два десятилетия жители Кашинского района уже ездят в другие города Тверской области преимущественно раз в несколько месяцев, в Москву же – реже раза в год.

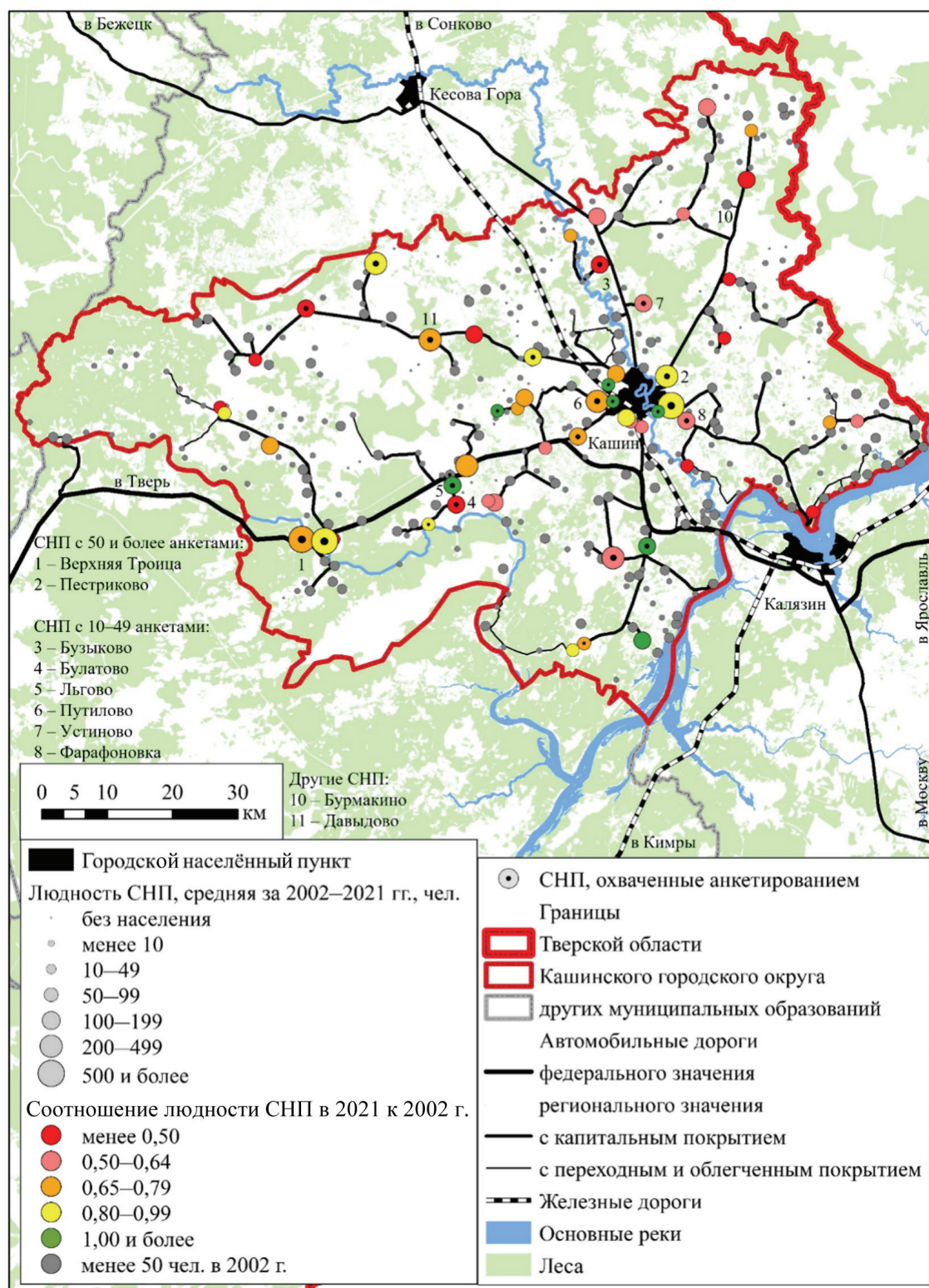

Рис. 3. Охват сельских населённых пунктов Кашинского района анкетированием (совокупно в 2002 и 2021 гг.).
Источник: составлено авторами по данным [Этно-языковой состав..., 2024]

Fig. 3. Coverage of rural settlements in the Kashinsky district by surveys (in 2001 and 2024 combined).
Source: compiled by the authors according to [Ethno-linguistic composition..., 2024]

За 2001–2024 гг. существенно возросла доля жителей, в принципе участвующих в возвратных миграциях. Например, хотя бы раз в год другие регионы России сейчас посещают 42% анкетлируемых горо-

жан, в то время как в 2001 г. доля таковых составляла 14%. Почти отсутствуют сельчане, не совершающие поездок в районный центр (в 2001 г. их доля составляла чуть менее 20%, сейчас – менее 2%).

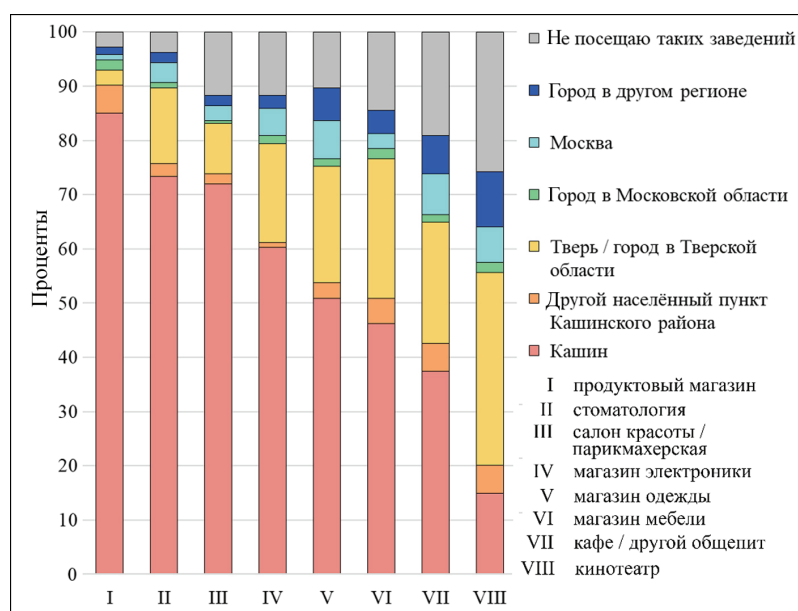

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос анкеты «В каком населенном пункте Вы, скорее всего, будете посещать соответствующее заведение?» в 2024 г., %. Источник: составлено авторами

Fig. 4. Distribution of responses to the survey question “In which settlement will you most likely visit the relevant institution?” in 2024, %. Source: compiled by the authors

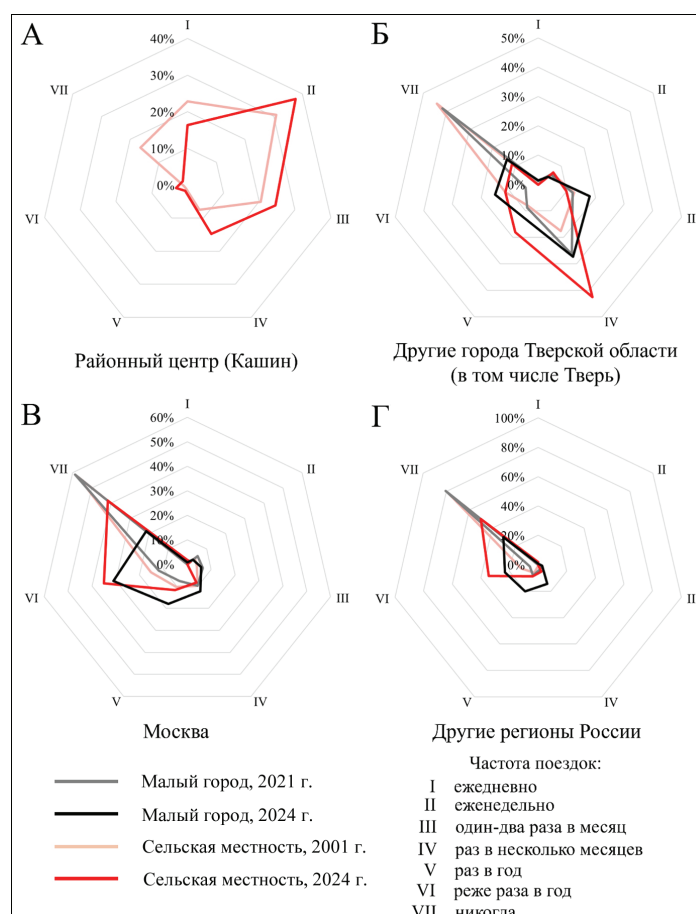

Рис. 5. Доля анкетированных жителей малого города и сельской местности, участвующих в возвратных миграциях с определенной частотой в 2001 и 2024 гг., % от определившихся с ответом. Источник: составлено авторами

Fig. 5. The share of respondents from a small town and surrounding rural area participating in return migrations with a certain frequency in 2001 and 2024, % of those who answered. Source: compiled by the authors

За два десятилетия заметно усилился разрыв между горожанами и сельчанами в территориальной подвижности в направлении Москвы и других регионов России – жители малого города более подвижны. Например, если в 2001 г. доли сельских жителей и горожан, проводивших отпуск в домах отдыха, в санаториях и турбазах в России, существенно не различались, составляя всего 2–4% от числа определившихся с ответом, то в 2024 г. среди горожан она уже составляла 19%, а среди сельчан – только 12%. Участие сельских жителей в возвратных миграциях в Тверь и в другие города области, наоборот, начало преобладать над участием горожан, притом, что сельскими жителями для поездок в Тверь общественный транспорт используется более активно (его выбирают 35% сельских жителей против 24% горожан, в то время как личный транспорт – 54% сельчан и 61% горожан). Показательным является и сокращение территориальной подвижности сельских жителей в направлении Москвы с частотой хотя бы раз в год и чаще по причине постарения возрастной структуры сельского населения и, как

следствие, сокращения потребности в поездках, а также отсутствия необходимости регулярно ездить за основными потребительскими товарами и продуктами питания («колбасные электрички»).

Живущие в городах близкие родственники сейчас приезжают на лето только к 10% ответивших на вопросы анкеты сельчан, в то время как в 2001 г. эта доля составляла 21%, а в 1991 г. – 27% (рис. 6). Таким образом, *можно сделать осторожное предположение, что по мере депопуляции выраженные в долгосрочных перемещениях людей социальные взаимосвязи между сельской местностью Нечерноземья и крупными городами постепенно ослабевают*. Дети, переезжающие в крупные города, нередко стараются перевозить к себе и родителей. За два десятилетия сельская местность Нечерноземья стала менее привлекательной для осуществления поездок туда ее уроженцами, проживающими в городах. Следствием этого является поляризация образа жизни населения столичной агломерации и «внутренней периферии», несмотря на распространение сотовой связи и мобильного интернета.

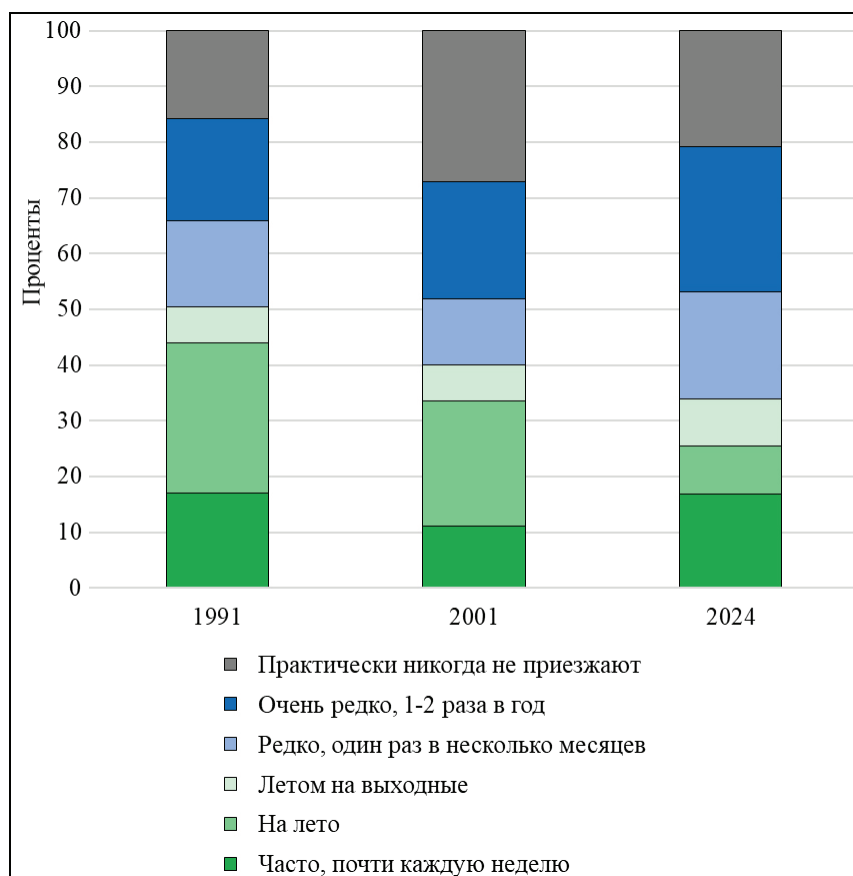

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос анкеты «Как часто за два прошлых года к Вам приезжали близкие родственники, живущие в городе?» в 1991, 2001 и 2024 гг., % от определившихся с ответом.

Источник: составлено авторами

Fig. 6. Distribution of responses to the survey question “How often did close relatives living in the cities visit you over the past two years?” in 1991, 2001 and 2024, % of those who answered. Source: compiled by the authors

Различия в территориальной подвижности разных групп населения. Влияние места рождения на территориальную подвижность. Согласно анкетированию населения, в 2000-е и 2010-е гг. Кашинский район был миграционно привлекателен в основном для жителей соседних Кесовогорского, Калязинского и Кимрского районов Тверской области. Доля населения, родившегося в Кашинском районе, в настоящее время велика (около 75% заполнивших анкету). Среди уроженцев района доля никогда не выезжавших в другие регионы России выше. Переехавшие в Кашинский район чаще уроженцев посещают Тверь, другие города Тверской области и Москву. Приезжие в целом более мобильны в том числе и из-за большего разнообразия пространственно выраженных социальных связей.

Влияние половых различий на территориальную подвижность населения. Мужчины более мобильны. Это обусловлено большим разнообразием мест приложения труда, занятостью части мужчин вахтовым способом. За последние несколько лет мужчины чаще выезжали в сельскую местность Кашинского района, в Тверь и в другие города Тверской области (в два раза чаще женщин), в Москву (в 3 раза чаще). В другие регионы России и в районный центр (среди сельских жителей) и мужчины, и женщины выезжают с примерно равной частотой. За 2001–2024 гг. их мобильность увеличилась почти по всем направлениям. Исключением стала динамика поездок сельских женщин в г. Кашин, что может быть связано с изменениями на рынке труда, с сокращением товарного значения личных подсобных хозяйств и с развитием электронной торговли. В июне 2024 г. электронной торговлей охвачены 18 сельских населенных пунктов, в которых проживает треть сельского населения Кашинского района (деревни Верхняя Троица, Леушино и Путилово со специализированными пунктами выдачи заказов и еще 15 сел и деревень с отделениями Почты России). В самом г. Кашине размещено девять специализированных пунктов выдачи заказов интернет-магазинов.

Влияние возрастных различий на территориальную подвижность. Совокупно по всем направлениям наиболее мобильно молодое трудоспособное население (а именно в возрасте от 18 до 34 лет включительно) – все ответившие на вопросы анкеты регулярно выезжают в населенные пункты различных рангов. Однако в абсолютном выражении наибольшее число поездок из-за постарения возрастной структуры населения совершается людьми в возрасте от 45 до 54 лет. В другие города Тверской области примерно с равной частотой ездят люди всех возрастов за исключением возрастной группы от 18 до 24 лет, совершающей поездки реже остальных.

Это происходит из-за того, что студенты из Кашинского района в московские вузы поступают чаще, чем в тверские.

С 2001 г. изменилась структура поездок в отдельных возрастных группах. Среди молодежи моложе 25 лет, а также среди лиц в возрасте 35–44 лет снизились доли выезжающих в районный центр с частотой хотя бы раз в месяц. Для возвратных трудовых и образовательных мигрантов среди сельских жителей районный центр все сильнее уступает в привлекательности более крупным городам. Однако среди лиц старших возрастов поездки в районный центр, наоборот, осуществляются чаще (рост частоты поездок до 75 процентных пунктов), что является следствием сокращения сети учреждений предоставления социальных услуг в сельской местности.

За последние десятилетия у жителей Кашинского района резко возросли миграционные намерения: 24% заполнивших анкету приняли решение о будущем переезде (в 2001 г. их доля составляла менее 6%). Примечательно, что среди жителей Кашина доля желающих уехать выше, чем среди жителей окружающей сельской местности (29% против 15%). В структуре желаемых направлений для переезда Московская агломерация преобладает над Тверской, а Тверская, в свою очередь, над Санкт-Петербургской.

Влияние различий в уровне дохода на территориальную подвижность. Финансовое благополучие тесно взаимосвязано с пространственной мобильностью населения. Частота поездок в соседние села, в другие города Тверской области, в Москву и в другие регионы России имеет прямую зависимость с субъективно оцениваемым уровнем дохода – чем ниже доходы определенной группы населения, тем меньше в ней доля совершающих поездки. Отчасти это происходит из-за участия наиболее высокодоходной части общества в возвратных трудовых миграциях. Обратная ситуация наблюдается с частотой поездок в районный центр среди сельских жителей: уровень зарплат среди регулярно ездящих в Кашин ниже, чем у совершающих регулярные поездки по другим направлениям.

Влияние состояния сферы общественного транспорта на территориальную подвижность. В 2024 г. общественный транспорт использовали 59% ответивших на вопросы анкеты, причем при поездках в региональный центр автобусы предпочитал каждый четвертый житель. Женщины пользуются общественным транспортом чаще. 74% прошедших анкетирование отметили ухудшение состояния общественного транспорта за последние 10 лет. Наиболее распространенной причиной негативных оценок стало сокращение числа маршрутов, следствием чего стал отказ части жителей от

поездов в соответствующих направлениях (если в 2001 г. о влиянии сокращения числа рейсов на изменение интенсивности поездок заявляло только 12% прошедших анкету, то в 2024 г. доля таковых достигла 50%).

ВЫВОДЫ

За период 2001–2024 гг. население Кашинского района стало более территориально подвижным, что является, скорее, типичной чертой для российского общества: хотя бы раз в год другие регионы России сейчас посещают 42% жителей малого города, в то время как в 2001 г. доля таковых составляла 14%.

За два десятилетия увеличилось разнообразие поездок населения по целям и направлениям: в особенности, в несколько раз увеличилось участие населения в поездках с рекреационными целями.

В 2000–2010-е гг. усилился разрыв между горожанами и сельчанами в территориальной подвижности в направлении Москвы и других регионов России – в этих направлениях жители малого города более подвижны; однако участие сельских жителей в возвратных миграциях в региональный центр, на-

оборот, начало преобладать над участием горожан.

Среди факторов, влияющих на уровень территориальной подвижности, значимыми являются пол, возраст, уровень дохода и место рождения человека: 1) мужчины более мобильны, чем женщины; 2) в возрастной структуре наиболее мобильно молодое трудоспособное население в возрастном промежутке от 18 до 34 лет; 3) территориальная подвижность в целом имеет прямую зависимость с субъективно оцениваемым уровнем дохода; 4) приезжие более мобильны, чем уроженцы района.

Можно предположить, что по мере депопуляции выраженные в долгосрочных перемещениях людей социальные взаимосвязи между сельской местностью Нечерноземья и крупными городами постепенно ослабевают. Следствием этого может являться поляризация образа жизни населения столичной агломерации и нечерноземных районов «внутренней периферии».

Состояние сферы общественного транспорта (в особенности сокращение сети внутрирегиональных автобусных маршрутов) сдерживает рост территориальной подвижности населения.

Благодарности. Авторы благодарят Леонида Ефремова и Наталью Греля за обработку результатов анкетирования 2001 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 24–17–00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И., Краснослободцев В.П., Гладкова О.Н. Территориальная подвижность населения и системы расселения в сельской местности России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2007. № 4. С. 10–14.
- Антонов Е.В. Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2016. № 2. С. 54–63.
- Краснослободцев В.П., Савоскул М.С. Территориальная подвижность сельского населения: изменение направлений и мотивов поездок (на примере Ставропольского края, Калужской и Архангельской областей) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2004. № 4. С. 53–58.
- Маркин В.В., Малышев М.Л., Землянский Д.Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Ч. 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. Т. 4. № 33. С. 46–55.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2018. № 2(60). С. 68–78.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л. и др. Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России // Известия РАН. Сер. геогр. 2022. Т. 86. № 3. С. 332–352.
- Медведева Н.В., Слемзина А.Н. Типичные проблемы развития социальной инфраструктуры малого города в современных российских условиях // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 3. С. 103–111.
- Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1(137). С. 225–242.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 103–123.
- Моисенко Н.Л., Иванова В.В., Дьячкова П.А. Пространственная мобильность жителей Новосибирской области (по материалам массового опроса жителей области в 2018 г.) // ЭКО. 2020. № 50(4). С. 146–165.
- Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Сер. геогр. 2015. № 3. С. 41–56.
- Нефедова Т.Г., Махрова А.Г. Дачники между двух столиц // Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1 / под ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. М.: URSS, 2015. С. 190–207.

- Регент Т.М. Социальные аспекты в географическом изучении сельского населения: дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1981. 240 с.
- Смирнов И.П., Виноградов Д.М. Территориальная подвижность как качественная характеристика населения Тверской области // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер.: Геогр. и геоэкол. 2017. № 4. С. 43–54.
- Смирнов И.П., Виноградов Д.М., Алексеев А.И. К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» // Известия РГО. 2019. Т. 151. № 6. С. 69–80.
- Смирнова А.А., Виноградов Д.М. Советский проект по преобразованию сельской местности на примере деревни Верхняя Троица Тверской области // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2023. № 4. С. 137–145.
- Страхов О.И. Кашинские минеральные воды, 1884 / Тверь: Печатница, 2016. 39 с.
- Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. Оценка уровня миграционной мобильности молодежи малых российских городов (по опросам выпускников школ) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3. С. 125–139.
- Bell M., Ward G. Comparing temporary mobility with permanent migration, *Tourism Geogr.*, 2000, vol. 2(1), p. 87–107.
- Meijering L., Osborne T., Doorne van M. et al. Seasonal differences in mobility and activity space in later life: a case study of older adults in the Northern Netherlands, *Mobilities*, 2024, vol. 19(4), p. 736–755.
- Zelinsky W. The Hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, 1971, vol. 32, no. 192, p. 337–347.
- Электронные ресурсы**
- В Тверской области завершается строительство крупного молочно-товарного комплекса // Новости Твери и Тверской области – МК в Твери. URL: <https://tver.mk.ru/social/2024/08/21/v-tverskoy-oblasti-zavershaetsya-stroitelstvo-krupnogo-molochnotovarnogo-kompleksa.html> (дата обращения 18.08.2024).
- Приложение Демоскопа Weekly // Демоскоп Weekly. URL: <https://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (дата обращения 18.08.2024).
- Этно-языковой состав населенных пунктов России: база данных URL: <https://lingvarium.org/russia/settlement-database.shtml> (дата обращения 18.08.2024).

Поступила в редакцию 10.10.2024

После доработки 16.12.2024

Принята к публикации 21.01.2025

TERRITORIAL MOBILITY OF POPULATION OF THE TOWN OF KASHIN AND ITS RURAL ENVIRONS DURING 2001–2024

M.R. Davidenko¹, U.R. Rakhimova², M.S. Savoskul³, A.S. Chuchkalov⁴

^{1–4} Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia

¹ Undergraduate student; e-mail: masha.davidenko10@yandex.ru

² Undergraduate student; e-mail: marbot@bk.ru

³ Head of the Department, Associate Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: savoskul@yandex.ru

⁴ Graduate student; e-mail: chuchkalov_sashka@mail.ru

The aim of the article is to identify the dynamics of territorial mobility among the permanent population of a small town and rural areas in the Kashin district of the Tver oblast (the Non-Black Earth Zone) over the past two decades. Territorial mobility is understood as an intensity of return movements of people in various directions. The study is based on large-scale surveys among permanent residents of the Kashin district in 2001 and 2024 (each survey sample represented more than 1% of the district's total adult population). Over the two decades, the population of the district has become more mobile, which is typical for the Russian society. In 2001, the relative majority of residents was not engaged in return migrations to the regional center or Moscow, whereas two decades later, residents most frequently visit the regional center every few months and Moscow less than once a year. The variety of trips in terms of purposes and directions has increased significantly, with recreational trips becoming several times more common. The gap in territorial mobility between urban and rural dwellers has widened regarding trips to Moscow and other regions of Russia, with urban residents becoming more mobile compared to the rurals. Factors influencing the territorial mobility include gender, age, income level, and place of birth. Men are more mobile than women, and young working-age individuals (18–34 years) are the most mobile age group. In general the territorial mobility correlates positively with self-assessed income levels. Newcomers are more mobile than native residents of the district. The article hypothesizes that despite the growing mobility, the social ties between rural areas and large cities in the Non-Black Earth Zone, as expressed through the long-term return migrations, are gradually weakening.

Keywords: territorial mobility of the population, return migration of the population, labor mobility, small town, internal periphery, Non-Black Earth Region

Acknowledgements. The authors are grateful to Leonid Efremov and Natalia Grelya for processing the results of 2001 survey.

The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project 24-17-00107 Small towns and rural settlements in the settlement system of regions of Russia (1989–2021)).

REFERENCES

- Alekseev A.I., Krasnoslobodtsev V.P., Gladkova O.N. Territorial'naya podvizhnost' naseleniya i sistemy rasseleniya v sel'skoi mestnosti Rossii [Territorial mobility of population and settlement systems in rural areas], *Vestn. Mosk. Un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2007, no. 4, p. 10–14. (In Russian)
- Antonov E.V. Trudovaya mobil'nost' naseleniya Rossii po dannym Vserossiiskoi perepisi 2010 goda [Labor mobility of the population in Russia (according to the 2010 all-Russian census data)], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2016, no. 2, p. 54–63. (In Russian)
- Bell M., Ward G. Comparing temporary mobility with permanent migration, *Tourism Geogr.*, 2000, vol. 2(1), p. 87–107.
- Florinskaya Yu.F., Roshchina T.G. Estimating the migratory mobility of the youth living in small Russian towns: a school leavers' interview, *Studies on Russian Economic Development*, 2008, vol. 19, no. 3, p. 300–310.
- Krasnoslobodtsev V.P., Savoskul M.S. Territorial'naya podvizhnost' sel'skogo naseleniya: izmenenie napravlenii i motivov poezdok (na primere Stavropol'skogo kraja, Kaluzhskoi i Arkhangel'skoi oblastei) [Territorial mobility of rural population: changes in directions and motivations of trips: a case of Stavropol, Kaluga and Arkhangelsk regions], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2004, no. 4, p. 53–58. (In Russian)
- Makhrova A.G., Babkin R.A. Analiz pul'satsii sistemy rasseleniya Moskovskoi aglomeratsii s ispol'zovaniem dannykh sotovykh operatorov [Analysis of Moscow agglomeration settlement system pulsations based on mobile operators' data], *Regional'nye issledovaniya*, 2018, no. 2(60), p. 68–78. (In Russian)
- Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L. et al. Issledovaniya i otsenki masshtabov vozvratnoi mobil'nosti i pul'satsii naseleniya v prostranstve sovremennoi Rossii [Studying and estimating temporary mobility and population pulsations in space of modern Russia], *Izvestiya RAN, Ser. Geogr.*, 2022, vol. 86, no. 3, p. 332–352. (In Russian)
- Markin V.V., Malyshev M.L., Zemlyanskii D.Yu. Malye goroda Rossii: kompleksnyi monitoring razvitiya, ch. 1 [Small cities of Russia: an integrative monitoring of development, pt 1], *Monitoring pravoprimereniy*, 2019, vol. 4, no. 33, p. 46–55. (In Russian)
- Medvedeva N.V., Slemzina A.N. Tipichnye problemy razvitiya sotsial'noi infrastruktury malogo goroda v sovremennykh rossiiskikh usloviyakh [Typical problems of the development of the social infrastructure of a small town in modern Russian conditions], *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2020, vol. 19, no. 3, p. 103–111. (In Russian)
- Meijering L., Osborne T., Doorne van M., Weitkamp G. Seasonal differences in mobility and activity space in later life: a case study of older adults in the Northern Netherlands, *Mobilities*, 2024, vol. 19(4), p. 736–755.
- Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii [Between home and... home. the return spatial mobility of population in Russia], Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (eds.), Moscow, Novyi khronograf Publ., 2016, 504 p. (In Russian)
- Mkrtychyan N.V. Migratsiya molodezhi iz malykh gorodov Rossii [The youth migration from small towns in Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2017, no. 1(137), p. 225–242. (In Russian)
- Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. Sotsial'no-ekonomicheskie efekty trudovoi migratsii iz malykh gorodov Rossii [Socio-economic effects of labor migration from small towns of Russia], *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 4, p. 103–123. (In Russian)
- Mosienko N.L., Ivanova V.V., D'yachkova P.A. Prostranstvennaya mobil'nost' zhitelei Novosibirskoi oblasti (po materialam massovogo oprosa zhitelei oblasti v 2018 g.) [Spatial mobility of residents of the Novosibirsk region (based on the mass survey of residents of the region in 2018)], *EKO*, 2020, no. 50(4), p. 146–165. (In Russian)
- Nefedova T.G. Migration mobility of population and otkhodnichestvo in modern Russia, *Regional Research of Russia*, 2015, vol. 5, no. 3, p. 243–256.
- Nefedova T.G., Makhrova A.G. [Summer residents between two capitals], *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustya, kn. 1* [The journey from St. Petersburg to Moscow: 222 years later, vol. 1], T.G. Nefedova, A.I. Treivish (eds.), Moscow, URSS Publ., 2015, p. 190–207. (In Russian)
- Regent T.M. *Sotsial'nye aspekty v geograficheskoi izuchenii sel'skogo naseleniya* [Social aspects in the geographical study of rural population], Ph.D. Thesis in Geography, Moscow, 1981, 240 p. (In Russian)
- Smirnov I.P., Vinogradov D.M. Territorial'naya podvizhnost' kak kachestvennaya kharakteristika naseleniya Tverskoi oblasti [Territorial mobility as a qualitative characteristic of the population of the Tver region], *Vestnik Tverskogo gos. Un-ta, Seriya: Geografiya i geoekologiya*, 2017, no. 4, p. 43–54. (In Russian)
- Smirnov I.P., Vinogradov D.M., Alekseev A.I. K Moskvu ili k Sankt-Peterburgu? Tyagotenie naseleniya Tverskoi oblasti po dannym seti "VKontakte" [To Moscow or to Saint Petersburg? Population gravity of the Tver region according to the data of "VKontakte" online network], *Izvestiya RGO*, 2019, vol. 151, no. 6, p. 69–80. (In Russian)
- Smirnova A.A., Vinogradov D.M. Sovetskii proekt po preobrazovaniyu sel'skoi mestnosti na primere derevni Verkhnyaya Troitsa Tverskoi oblasti [Soviet plan for the reformation of rural areas on the example of the Verkhnyaya Troitsa village, Tver region], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2023, no. 4, p. 137–145. (In Russian)
- Strakhov O.I. *Kashinskie mineral'nye vody, 1884* [Kashin mineral waters, 1884], Tver, Pechatnitsa Publ., 2016, 39 p. (In Russian)
- Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition, *Geographical Review*, 1971, vol. 32, no. 192, p. 337–347.
- Web sources**
- Etno-yazykovoi sostav naselennykh punktov Rossii, baza dannykh [Ethno-linguistic composition of populated areas of Russia, Database], URL: <https://lingvarium.org/russia/settlement-database.shtml> (access date 18.08.2024).

Prilozhenie Demoskopa Weekly [Demoscope Weekly app], Demoskop Weekly [Demoskope Weekly], URL: <https://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php> (access date 18.08.2024).

V Tverskoi oblasti zavershaetsya stroitel'stvo krupnogo molochno-tovarnogo kompleksa [Construction of a large

dairy complex is nearing completion in the Tver region], Novosti Tveri i Tverskoi oblasti – MK v Tveri [News of Tver and Tver region – MK in Tver], URL: <https://tver.mk.ru/social/2024/08/21/v-tverskoy-oblasti-zavershaetsya-stroitelstvo-krupnogo-molochnotovarnogo-kompleksa.html> (access date 18.08.2024).

Received 10.10.2024

Revised 16.12.2024

Accepted 21.01.2025